

Татьяна Борисова

Yukiko Tatsumi and Taro Tsurumi, eds. Publishing in Tsarist Russia: A History of Print Media from Enlightenment to Revolution. London: Bloomsbury Academic, 2020. 280 pp. ISBN 978-1-3501-0934-6.

Татьяна Борисова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, Промышленная ул., 17, лит. А, Санкт-Петербург, 198095, Россия. tborisova@hse.ru.

В последние годы можно отметить растущий интерес к литературе, критике и печатному делу в России XIX века. Обозревая новые статьи о статьях, книги о книгах, критику критиков, невольно вспоминается Виссарион Белинский, который сокрушался, что стали писать «все, которые только умеют чертить на бумаге каракульки», и вопрошал: «Где рычаг этой внезапной и живой литературной деятельности?». Едкий Белинский считал, что причину бурного роста графоманства в первой трети XIX века нужно искать «в кармане». Это прозаическое объяснение почти двухсотлетней давности релевантно для современного роста публикаций о русской печати только отчасти. Помимо общеакадемических обстоятельств (*publish or perish*), внимание к печатному слову позднеимперской России объясняется растущим интересом к социальной, интеллектуальной, технологической и глобальной истории долгого XIX века. Печать как комплексное глобальное культурное явление – идеальный объект изучения в рамках всех популярных подходов к истории.

Есть еще одно обстоятельство, стимулирующее междисциплинарный интерес к «расколдовыванию» русского классического XIX века. Историки «советской цивилизации» Стивен Коткин, Игал Халфин, Йохан Хельбек за последние два десятка лет поставили важные вопросы о ее нормах, акцентируя внимание на изучении языка и разных аспектов «говорения». Эти исследования естественным образом подготовили новую волну интереса к дореволюционной предыстории, ко времени, когда были поставлены вопросы «кто виноват?» и «что делать?», ответом на которые стал советский проект.

Сборник под редакцией двух известных японских славистов Юкико Тацуми (Yukiko Tatsumi) и Таро Цуруми (Taro Tsurumi) посвящен формированию особой национальной русской медиасферы. Редакторы ставят задачу проблематизировать ее русскость в контексте Российской империи и «западной цивилизации». Сам по себе этот термин и вообще противопоставление России и Запада вызывают вопросы, но попытка рассмотреть печать в рамках глобального развития национальной повестки в долгом XIX веке представляет большой интерес. Сборник открывается статьей Юсуки Торияма (Yusuke Toriyama) о русских переводах с французского в царствование Екатерины II. Автор показывает, как переводческий проект императрицы заложил основу для осмысления русского языка как государственного языка империи. Таким образом, с первой статьи составители сборника помещают российскую печать в глобальный контекст, показывая, что печать на

русском была многосоставным проектом, в котором были задействованы разносторонние интересы.

Эту перспективу продолжает интереснейшая статья Абрама Рейтблата (Abram I. Reitblat) «Создание русской классики». Показывая совместную работу литераторов, государственных институтов и частного книжного рынка по производству русской классики, автор дает ответ на вопрос, почему именно реалистические произведения составили канон русской классики. Ключевой фигурой, сделавшей реализм «классическим», по мнению Рейтблата, несомненно был Виссарион Белинский. В его статьях 1840-х годов подводились итоги споров 1820–1830-х годов и разрабатывалось концептуальное толкование истории русской литературы. Именно Белинский отобрал классиков на основе двух основных принципов – «национальность» и «верность действительности». Таким образом, намечается очень важная линия политического потенциала классики как средства отделения «своего» и «чужого». Рейтблат показывает, как государство осознавало этот потенциал и пыталось апроприировать его в долгом XIX веке.

Статья Хаджимы Кайзава (Hajime Kaizawa) предлагает нетривиальный взгляд на печать периода «безвременья» 1880-х годов, больше известного как период контрреформ Александра III. Несмотря на ламентации фрондирующий публики по поводу усиления патриотического наступления государства на публичную сферу, выразившегося в самом термине «безвременье», автор показывает, что именно в 1880-е началось чествование русской классической литературы как оригинальной «всечеловеческой» гуманистической литературы. Тем самым Кайзава обращает внимание на то, что русская классическая литература преодолевала рамки современных ей «национализирующихся» литератур с их типическими конфликтами вокруг автономии субъекта в обществе/нации.

Попытка Тацуми в главе «Транснациональные архитекторы воображаемого сообщества» описать иностранные влияния в русской печати примечательна и вызывает много новых вопросов. В представленном описании журналов и издателей с иностранным опытом читателю отчетливо не хватает конкретизации и проблематизации понятий, используемых автором. Например, читатель остается в недоумении, откуда возник «прекрасно европеизированный журнал» (a perfectly Europeanized periodical) в тексте статьи – взят ли он из исторических источников автора или это его собственная, весьма смелая, категория анализа, бросающая вызов конвенциональному осуждению европоцентризма в социальных науках?

Блок статей по истории имперской печати с точки зрения отдельных этнических и религиозных групп будет интересен в первую очередь специалистам по истории этнического разнообразия в Российской империи. К сожалению, несмотря на то, что редакторы пишут о совокупной работе статей сборника на общий аргумент, суммированный в заключении, в самих статьях не прослеживается стремление авторов содержательно сопоставить представленный ими материал. В результате в «имперском блоке» перед читателем возникает мозаика параллельных историй об имперском многообразии, которое авторы статей не проблематизируют, представляя свою перспективу автономно от соседних глав. Так, читатель узнает, что когда калмыки не имели другой возможности говорить о себе в российской

печати, кроме как на русском языке, печать на арабском процветала с начала XIX века, и это в свою очередь в 1890-е вызывало нарекания имперской администрации, которая не могла, тем не менее, ничего изменить. Интересное кейс-стади «Известий по Казанской епархии» Акиры Сакурама (Akira Sakurama) посвящено тому, как местное нерусское православное духовенство из крещеных татар, чувашей, марийцев было представлено на страницах церковного журнала. Статья Цуруми продолжает это направление, показывая, как сионисты в Сибири, а после большевистской революции 1917 года и в Харбине, использовали свою печать на русском языке для сионистской деятельности, например, организации помощи евреям в Палестине. Очень познавательная статья Мелиссы Стокдейл (Melissa K. Stockdale) о прессе и народе в Первую мировую войну показывает, как глобальное событие становилось «народным» в прессе.

В заключении книги редакторы выступают с центральным аргументом, предлагая рассматривать медиасферу Российской империи как мягкую инфраструктуру, автономную от «царской политики русификации». Действительно, печатная продукция (так же, как железная дорога) была доступна самому широкому кругу потребителей и могла использоваться для разных целей, в том числе для таких, которые объявлялись «народными». Если взаимосвязь национальных проектов и технологий вполне известна как отдельное направление исторических исследований, то некритическое использование понятия «русификация», которое авторы дополняют своим понятием мягкой инфраструктуры, кажется спорным – особенно когда в литературе предлагаются разные виды русификаций («административная», «культурная») и их концептуальная и эвристическая значимость ставятся под сомнение (Staliunas 2016). Но если отбросить неразъясненный читателям термин *russification*, который в современной литературе не всегда предполагает насильственность, но понимается и как «обрусение» (Kirmse 2019), то в совокупности статьи дают комплексную картину неразрывной связи «русского народа» (и разных этнических и религиозных групп в его составе) с печатным словом.

В целом сборник насыщен фактами, цитатами из первоисточников, в том числе неопубликованных, иллюстрациями с фотографиями источников и ссылками на литературу на русском и иностранном языках, и будет полезным чтением для всех интересующихся развитием публичной сферы в России поздней имперского периода. К большому сожалению, в сборнике есть досадные опечатки, не только в транслитерации русских терминов, но и в именах собственных (даже в именном указателе): так, Gary Marker указан как Gary Maker, Косма Флоринский стал Frolinskii и т. п. это досадно, поскольку книга вышла в серии «Library of Modern Russia».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Kirmse, Stefan. 2019. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Staliunas, Darius. 2016. "Poland in the Russian Empire." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 17(4):909–917. doi:10.1353/kri.2016.0054.